

Глава 15

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Что значило быть мужчиной или женщиной в разные времена? Как и почему происходит воспроизводство социального порядка, основанного на социально-половом неравенстве? Как проявления этого неравенства изменяются в разные эпохи, от одной культуры к другой? Возможно ли преодоление такой социальной асимметрии? Все это вопросы, которые обсуждаются сторонниками данного направления в науках о прошлом, которое развивается и обогащается в течение более чем 30 лет.

Женские и гендерные исследования в исторических науках ставят в центр изучения проблему социального конструирования половых различий, взаимосвязь и влияние этих процессов на общую картину исторического развития человечества. В центре изучения историков-гендерологов – анализ представлений о каждом из полов в разные исторические времена, самопредставлений каждого пола, изучение неравного распределения материальных и духовных благ, власти и престижа между полами, а также институтов социального контроля, регулировавших это распределение. Гендерологи изучают возникавшие в связи с этим социальные иерархии – как в масштабе всего общества, так и класса, социальной, этнической, родственной или иной группы.

Однако существуют определенные расхождения в терминологическом аппарате, поэтому необходимо привести наиболее важные определения, относящиеся к предмету исследования данной главы.

Женские исследования прошлого – направление в гуманитарном знании, предметом изучения которого является история изменений женского социального статуса и функциональных ролей, это история, увиденная глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.

Гендерные исследования в исторических науках – направление в исследованиях прошлого, предметом изучения которого является система отношений и взаимодействий, стратифицирующей общество по признаку пола.

Гендерная история включает в себя историю женщин (историческую феминологию), историю мужчин (историческую андро-

логию), историю квир-сообществ¹ и отчасти историю сексуальной культуры.

Предпосылки складывания нового направления в науках о прошлом

Социально-политический контекст возникновения направления. До конца 60-х – начала 70-х гг. XX в. для историков всех стран казалось очевидным, что прошлое (как и настоящее, и будущее) – есть нечто общее для всех, без различия пола. Позиции этой научной парадигмы казались неоспоримыми; они коренились в стереотипном восприятии отношений полов как заданных биологически и потому неизменных. Но в конце 1960-х гг. социологи и социопсихологи, лингвисты и политологи ряда стран в буквальном смысле «заметили» пол, заинтересовались им и тем, как он влияет на жизнь индивида и личности. Чуть позже, в 1970-е гг., «невидимая революция» захватила и историков.

«Заметить» пол, поставить вопрос о возможности рассмотрения его как одного из «социальных определителей» (подобно классу и расе) ученых заставили события и процессы конца 1960-х гг., которые ныне именуют «бурными», «ниспровергающими». Вторая половина XX в. была отмечена сразу тремя важнейшими социальными процессами, сходными с революционными (Corbin *et al.* 1989: 18, 26). Во-первых, вопрос об отношениях полов был поставлен на повестку дня молодежными движениями, знаменитой «студенческой революцией 1968 г.», поставившей под сомнение всю систему ценностей и ориентиров старшего поколения. Не только научное сообщество, но и социум как таковой оказались подготовленными к восприятию новых концепций. Во-вторых, важным фактором оказалась сопровождавшая молодежные движения сексуальная революция, позволившая смело говорить о проблемах пола и открывшая для обсуждения в средствах массовой информации (а не только в научной литературе) ряд ранее табуированных тем (скажем, вопрос о сексуальной удовлетворенности женщины в браке или о толерантности к трансвестизму и операциям по смене пола)².

¹ Квир (англ. *queer* – чуждой, странный) – термин для обозначения всего отличного от гетеронормативной модели поведения. К квир-сообществу относят геев, лесбиянок, трансвеститов (кроссдрессеров) – то есть лиц, носящих одежду не своего пола, транссексуалов, бисексуалов и т. п.

² Сексуальная революция, бесспорно, дала больше именно женщинам: изменение взглядов на сексуальность было связано с революцией в области контрацепции, с появлением гормональных таблеток – впервые в истории вопросы «рожать или не рожать», от кого рожать

Связанным с вышеназванными революциями оказался третий фактор – оживление феминизма. В научной литературе это оживление и обновление женского движения именуют «второй волной феминизма». Первая волна, феминизм XIX в., был «феминизмом равенства». Он ставил вопрос о равном доступе женщин к труду и образованию, высокой зарплате и профессиональной самореализации. Век спустя, в 1960-е гг., когда равенство прав обоих полов оказалось задекларированным в законах многих стран, встал вопрос о равенстве возможностей их реализации (весьма ограниченных повсеместно). Поэтому обновленный феминизм XX в. стал именоваться «феминизмом различий». Женщины потребовали во имя действительного равенства признать отличие их социального опыта от опыта мужского, а следом – добиться аффирмативных³ (позитивных, конструктивных) действий, направленных на принятие во внимание их пола и обеспечение действительного равенства жизненных возможностей (Evans 1978).

Главной целью «шестидесятниц» XX в. стало создание и признание социумом свободной, автономной женской личности. Споры о том, достижима ли такая цель, втянули в исследования «женской темы» генетиков, психологов, антропологов, этнологов, философов, историков, социологов, филологов. На этом этапе речь шла об углублении понимания того, как иерархическая половая структура закрепляется в глубинных структурах культуры и общества, в научных дискурсах, в религиозных представлениях, в особенностях индивидуальных и коллективных ментальностей, восприятиях и ощущениях.

Научно-теоретический контекст возникновения нового направления. Главными теоретическими источниками нового направления считаются либеральная мысль, социалистическая традиция и психоанализ. Из дискурса Просвещения и либерализма феминистки 1960-х заимствовали представления об эмансипации, равенстве, автономии, прогрессе (Riley 1988: 6–11). Из социалистической традиции – подход к осмыслению отношений между полами как особого социального механизма господства и эксплуатации. Значимость психоанализа определяется тем, что это одна из

и как часто, стали решаться женщиной, а мужчины лишились сильнейшего рычага своей власти (Кон 2009).

³ Аффирмативный (от англ. *affirm* – утверждать, торжественно заявлять) – заявлено конструктивный, положительный.

немногих теорий, в которых осмысляются социально-культурные основы формирования половой идентичности.

Однако исходной точкой рождения интереса к проблемам пола стали все-таки лишь 1960-е гг., когда (благодаря опять-таки феминисткам) было признано, что все в науке – от выбора тем до структуры академических институтов и учреждений – несет на себе «печать сексистской окраски»⁴.

Сильнейшим теоретическим импульсом к дискуссиям по этому поводу стал кризис марксизма. Он так и не дал ответа на вопрос, почему неравное положение полов сохраняется в современном обществе. Стремление к «усреднению» и отбрасыванию всех погрешностей, не уместяющихся в схему, заставляло классиков марксизма рассматривать прежде всего классический вариант развития западного общества, ведущей движущей силой которого (в марксистской терминологии – гегемоном) следовало считать пролетария, борющегося против своих угнетателей. Тех, кто не вмещался в схему – крестьян, интеллигенцию и... женщин, в том числе жен пролетариев, – теоретики марксизма либо старались подтянуть под эту схему, либо оставляли «за бортом» своего рассмотрения. Понимая, что все жизненные аспекты одной экономикой не объяснишь, марксисты (во имя «чистоты схемы») просто отбрасывали то, что невозможно было объяснить экономикой, в том числе и проблему личностного становления женщин, проблемы женского самосознания, идентичности. Не тема женского самосознания, но тема женского труда была в центре многих европейских научных и публицистических дебатов XIX – начала XX в.

Существование частной собственности и классовой структуры общества – **основные**, согласно Ф. Энгельсу, причины дискриминации индивидов по признаку пола. Эти положения были сформулированы в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Маркс, Энгельс 1955–1981, т. 21). Изменение производственных отношений в условиях ликвидации частной собственности, ликвидации классового деления – главный и, по сути, единственный путь спасения женщин от векового неравенства. Энгельсова концепция не объясняла, почему – несмотря на то, что рабство как формация в течение некоторого времени изжила себя, – рабство женщин в семье продолжало существовать веками. Почему

⁴ Сексизм – дискриминация человека по признаку пола, практики (в том числе скрытые) такой дискриминации.

мужчина даже в самой бедной семье присваивал и присваивает через семью как социальный институт часть времени, труда, сил женщины (Пушкарева 2002: 34–51).

Взгляды классиков марксизма отражали *мужской взгляд* на мир, который не принимал во внимание женские социальные потребности и женский опыт, центрировались на приоритете экономических классовых интересов, не учитывая возможности объединения индивидов по половому признаку.

Пытаясь найти объяснение тому, как придали статус научности теории биологической предопределенности, теоретики феминизма обратили внимание на модернистские концепции в социологии. Структурный функционализм Т. Парсонса (2002) заставлял увидеть в обществе цельную социальную систему, имеющую свою структуру, механизмы взаимодействия элементов, которые находятся в неустойчивом равновесии, обеспечивающем – в случае баланса – «социальный порядок» (о взглядах Парсонса см. также в главе 6 настоящего издания). Оба пола были представлены в концепции постоянно включенными в него – исполняющими свои структурно-функциональные роли. От теории конструирования социальной реальности (теории П. Бергера и Т. Лукмана [1995], в которой общество понимается как процесс непрерывного конструирования: значений и символов, лежащих в основе человеческой деятельности), теоретический феминизм легко сделал шаг к теории социального конструирования половых различий.

Помимо этих основных теорий большое значение имела также концепция ситуативной драматургии или символического интеракционизма И. Гофмана. Гофман отождествил элементы сценического действия и социального взаимодействия, ввел понятия конвенциональной (условной, «договорной»; от англ. *conventional* – обусловленный) социально-половой (теперь говорят: гендерной) роли и ее проявлений (дисплея) – в стереотипах (образах), нормах (предписаниях) и идентичностях. Социально-половой дисплей у И. Гофмана – это набор ритуализованных действий, совершаемых индивидом в ситуации взаимодействия с другим индивидом.

В итоге использования модернистской социальной теории в создании собственных подходов к объяснению существования социально-половой асимметрии теоретики феминизма были поставлены перед необходимостью найти собственные объяснения того, как идее о биологической предопределенности жизни человека его полом придали статус научности.

Особую роль в поисках ответа на этот и схожие вопросы сыграли в то время модернистские и психологические теории, опровергнувшие многие постулаты фрейдизма и поставившие на повестку дня обсуждение таких вопросов, как относительность истины, возможность типизировать индивидуальное, проявлять интерес к роли «случайного» в судьбе человека

Наиболее заметные труды психологов-модернистов 1960-х гг. относят к так называемой *гуманистической психологии* (или *движению за человеческий потенциал*). Они представлены именами К. Роджерса, А. Маслоу и других. Суть концепции Роджерса – в том, что *ядро человеческой природы* по сути *позитивно* (он категорически разошелся в этом с З. Фрейдом). Человек постоянно развивается, считал К. Роджерс (опять-таки в противовес Фрейду, который считал наиболее существенные компоненты личности постоянными), *целью его является самоактуализация*, он испытывает постоянную потребность в позитивной оценке – уважении и принятии со стороны других людей. Главный принцип гуманистической психологии А. Маслоу – *признание права каждого человека быть самим собой*, пестовать свою уникальность, неповторимость, не подстраиваться, сопротивляться давлению среды, ее ограничениям права на свободу выбора решений и права ответственности за этот выбор. Все это оказалось очень созвучным феминистским идеям.

Социально-демографические предпосылки. Гуманитарные науки во второй половине XX в. заметно феминизировались практически во всей Западной Европе. Во всем мире число представительниц интеллектуальной элиты быстро росло: в жизнь вступило поколение, рожденное после войны, не знавшее препон в получении образования, связанных с дискриминацией по признаку пола. Правда, в основном это были женщины, пришедшие в систему «научного обслуживания»: доля исследовательниц с должностями и званиями увеличивалась очень медленно. Вот почему обращение к опыту предшественниц оказывалось основой для пробуждения социального женского самосознания и коллективных действий. «Личное» становилось «профессиональным», а следом и «политическим». Женщины-ученые задумались о причинах и особенностях неравенства в их профессиональной среде (Пушкарева 2006).

Возникновение «женских исследований» (Women Studies)

Вместе с возникновением в 1970 г. во Франции «Движения за освобождение женщины» там были основаны и первые феминист-

ские журналы. Аналогичный процесс начался и в США, где в короткие сроки добились больших тиражей такие издания, как “Signs”, “Feminist Studies”, “Women's Studies Quarterly”. Взлет неофеминизма повлиял на интеллектуальную сферу: ученые в Европе и США стали избирать объектом своих изысканий женщину – в семье, на производстве, в системах права и образования, в науке, политике, литературе и искусстве. Первый спецкурс по истории «женского движения» был прочитан в Сиэтле в 1965 г., а в конце 1960-х такие спецкурсы уже читались и в Вашингтоне, Портленде, Ричмонде, Сакраменто.

В 1969 г. исследовательница из Корнелльского университета Шейла Тобиас предложила обобщающее название для этих спецкурсов – Female Studies. В 1970 г. возглавленная ею команда преподавателей социальных наук (психологов, социологов, историков) прочла в указанном университете междисциплинарный курс «Женская персональность» (“Female Personality”), после которого зачетный экзамен сдали более 400 человек. В том же 1970 г. в университете Сан-Диего была учреждена своя «женская» программа обучения студентов и та же Ш. Тобиас организовала там специальное издание “Female Studies”, которое взялось за публикацию программ курсов, списков литературы и «ридеров» по женской теме. Тогда же в Балтиморе Ф. Хоу и П. Лоутер учредили издательство “Feminist Press”, сыгравшее огромную роль в пропаганде научного знания о взаимоотношениях полов.

Постепенно в рамках многих традиционных академических дисциплин уже в десятках университетов США и Европы появилось «изучение женщин». Этим занимались сами женщины-ученые, к тому же открыто заявлявшие о своих феминистских взглядах. «Женские исследования» того времени могли именоваться “Female Studies”, что казалось слишком биологизированным ученым-феминисткам; “Feminist Studies”, что отвергалось многими по причине идеологизированности, “Women’s Studies”, что было объявлено не слишком политкорректным, так как подчеркивало «объектность» женщины или женщин как предмета изучения. После долгих споров и дискуссий направление получило название “Women Studies” («Женские исследования») – так определялись исследования любой проблемы, написанные на «женскую тему» и чаще всего самими женщинами (Boxer 1988).

В 1975 г., объявленном ООН «Всемирным годом женщины», американская исследовательница Нин Коч сконструировала термин

«феминология», получивший впоследствии распространение в России. Под *социальной феминологией* стали понимать междисциплинарную отрасль научного знания, *изучающую совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе, эволюцией ее социального статуса и функциональных ролей* (Kerkhoff 1987: 38–61).

Главными отличиями «женских исследований», или «феминологии», как научного направления от всех предшествующих штудий, касающихся социально-половых ролей, этнографии, психологии и социологии пола, были: 1) ориентация на критику наук, ранее не «видевших» женщин; 2) нацеленность на критику общества и потому связанность с женским движением; 3) развитие на пересечении научных дисциплин в форме междисциплинарной исследовательской практики (Хасбулатова 1998).

Рождение исторической феминологии (женской истории)

В среде историков на появление нового направления откликнулись прежде всего – как это произошло и с другими гуманитарными дисциплинами – ученые-феминистки. С точки зрения феминистской теории нельзя объяснить социальную действительность, не поняв механизмов воспроизводства общественного неравенства, основанного на разделении людей по полу. Феминистки и феминисты, изучающие прошлое, принялись исследовать изменения опосредованной полем действительности «в пространстве» и «во времени» (то есть с учетом географической, этнокультурной и хронологической составляющих). Формированию «женской истории» как особой субдисциплины в системе исторических наук благоприятствовал особый контекст: это было время быстрого увеличения числа «отдельных историй», плюрализации исследовательских направлений.

Неслучайным был интерес к ней тех, кто изучал *проблемы массовых движений*. События конца 1960-х гг. способствовали усилению позиций феминизма, а он – в свою очередь – способствовал тому, чтобы немалое количество специалистов в области Women's Studies вышло как раз из исследователей рабочего, крестьянского движений, в которых (в отличие от истории партий и тайных обществ) всегда присутствовали оба пола. В исследовании создания первых женских организаций, в истории феминизма и суфражизма эти специалисты увидели ключ к пониманию острых вопросов со-

временности: что следует понимать под пресловутым «угнетением женщин», всегда ли оно существовало, как и когда возникло, каковы были причины его появления, формы, методы и пути преодоления неравенства.

Возникновение «женской истории» было поддержано *медиевистами*, и это не случайно. Возросшие трудности исторического познания (расширение числа источников, диверсификация прежних итогов и результатов), устаревание методов анализа и методологических ориентиров – все это превратило медиевистику и историю раннего Нового времени в «испытательный полигон» новейших аналитических экспериментов.

В рождении исторической феминологии сыграло свою роль и резко *возросшее значение исторической антропологии*, позволившее ей выделиться в отдельное направление социальной истории, стать ее частью (об исторической антропологии и ее тематике см. предыдущую главу). В рамках «*новой социальной истории*» самостоятельными направлениями изучения стали «история повседневности» индивидов и социальных групп, «история детства», «история сексуальности», «старости», скажем, «вдовства» и т. п. Без «истории женщин» здесь было, конечно, не обойтись.

Самостоятельной и самоценной частью «социальной истории» стала *историческая демография*, пережившая в конце XX в. буквально второе рождение. Выводы историков-демографов, обратившихся впервые (благодаря включению в методы исторического исследования математических приемов обработки массовых источников, прежде всего городских кадастров и церковных метрических книг) к изучению демографической ситуации эпохи Средневековья, позволили выделить феномен, до этого не учитывавшийся исследователями. Речь идет об устойчивом дефиците лиц женского пола практически во всех социальных и возрастных группах, но в особенности в детском и зрелом возрасте. Почему он возник, какие следствия имел? Все эти и многие другие вопросы предстояло решить, обратившись непосредственно к «истории женщин». История повседневности и частной жизни сделала предметом изучения – в отличие от традиционной этнографии – не просто вещи, не только материальные формы существования человека, но и «обычаи, формы и практики» повседневного быта, прежде всего отношения людей и вещей, людей к вещам и явлениям повседневности, социальный и семейный «облик человека», формировавшийся в зависимости от форм его деятельности и самовыражения.

К середине 1980-х гг., когда социальная история уступила пальму первенства *истории культурной и интеллектуальной* (в известном смысле близкой так называемой культурно-исторической антропологии, возникшей на рубеже веков), в центре внимания специалистов по интеллектуальной истории оказалось изучение изменений социальных и культурных категорий. Особое значение для них приобрела историческая и социальная психология, возникла так называемая «психоистория», история чувств (эмоций), в научный оборот оказался «вброшен» новый термин «история ментальностей», история представлений и образов (имагология) (см. также предыдущую главу).

«История ментальностей» неизбежно подвела исследователей к выводу о необходимости изучения разных «историй», в том числе – истории переживаний не только победителей, но и побежденных, маргиналов – больных, заключенных, гомосексуалистов, беспомощных стариков, нищих и люмпенов, «не-героев» прошлого. Тематизация «истории переживаний» совпала с развитием в системе психологических наук интереса к «особенному», «относительному», «временному», «обусловленному» (в то время как в недалеком прошлом предлагалось всегда от этого абстрагироваться). История в очередной раз сблизилась с психологией, и этот союз оказался успешным, в том числе и для «женских исследований».

В рамках появившихся «женских исследований» история женщин пережила невероятный бум. Публикации по этой тематике получили свою постоянную рубрику в десятках научных журналов. Ежегодно стало выходить в свет множество исследований по всем периодам и регионам, а в обобщающих работах разного уровня освещались практически все вопросы, имеющие отношение к жизни женщин прошедших эпох. Так сформировался ***предмет истории женщин (исторической феминологии) – это история изменений женского социального статуса и функциональных ролей, это история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.***

Энтузиастки-первопроходчицы «перелопатили» сотни архивных дел, находя источники, проливающие свет на положение женщин в разные эпохи; они описывали отдельные судьбы и анализировали опыт женских общностей (например, в монастырях и первых женских союзах), старались пересмотреть в свете новых данных даже хронологию. Сторонницы нового направления чаще

всего говорили о желании преодолеть «безусловное господство старой истории», «переписать ее». Дело дошло до готовности заменить слово *history* (который феминистки прочитывали как *his-story*, дословно: «Его история», история мужчины) новым термином, характеризующим новый подход к изучению прошлого, а именно термином *herstory* (то есть «Ее история», история женщины) (Davín 1988: 60–78). Так или иначе, но в представлениях о прошлом случился настоящий переворот, закрепленный созданием на конференции в Белладжио (Италия), а затем конституированием в рамках Международного конгресса исторических наук в Мадриде в 1990 г. Международной федерации исследователей женской истории.

Историческая феминология «вернула женщин» (прежде всего – выдающихся, хотя не только их) общим курсам истории. Задача восстановления исторической правды, выявления женских имен, забытых или вычеркнутых из официальной, «мужской» историографии, была решена: в учебниках появилось много женских имен. Полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом перестало выглядеть таковым, в исследованиях доказывалось, что женщины имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, порой не совпадавшую с мужской.

Вместо описания того, как оба пола взаимно дополняли друг друга (как это делала традиционная наука, этнография), внимание было обращено на их различия. Так был внесен важный вклад в подрыв стереотипа о «природном предназначении» женщины (вынашивание детей, продолжение рода, ответственность за семью и домашний очаг). История женщин придала иной смысл изучению истории повседневности, еще раз убедила в историчности разделения социальной жизни на публичную и приватную сферы. Факты постоянного нарушения границ между ними показали историческую обусловленность этих границ и невозможность однозначно определить направление, в котором развивается их взаимодействие.

Изучив исторически сложившиеся отношения господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ, историки женщин увязали «женскую историю» с историей общества. Чаще всего это делалось, однако, в духе неомарксизма, и половое неравенство объяснялось его укорененностью в неравенстве экономическом. Многие факты, со-

бранные «историками женщин», подорвали мужское мифотворчество в социальной истории, поставив под сомнение оценку важнейших эпох и процессов.

Однако постепенно историко-феминистические штудии становились все более кастовыми. Из «истории женщин» историческая феминистология медленно превращалась в «историю подавления женщин». Исследования феминистов создавали впечатление, что роль женщины как жертвы является исторической константой. То и дело со страниц феминистических исследований проступали мизоандринные (мужененавистнические) настроения, «доказательства» женской исключительности, утверждения о том, что история, написанная женщиной, точнее и объективнее, чем написанная мужчиной, «так как знание угнетенного точнее и глубже знания угнетателя». Как ответ на подобный подход к прошлому в мировой исторической науке появилась «история гомосексуальности», а также «история мужчин и мужественности» (историческая андрология, History как His Story). Так история женщин своим появлением *заставила и мужчин задуматься над отсутствием «их собственной истории»*, заставила стать видимыми и их (подробнее см.: Gilmore 1990).

Методические трудности реконструкции «истории маскулинности» оказались большими, чем «истории женственности», так как мужчины (в отличие от женщин) считались той «непроблематизированной нормой», которую не стоило и описывать (она подразумевалась). Ограничений вследствие принадлежности к своему полу мужчины не испытывали, так что подразумеваемое трудно подавалось исторической реконструкции.

«Мужские истории», историческая андрология испытали те же сложности признания и тот же скептицизм, что и история женщин. «Истории отцовства», «истории мужской чести», «истории маскулинности» доказывали, что до последнего времени не было создано не только объективной истории Женщины, но и истории Мужчины, культуры мужской. ***Предметом «мужской истории» стала история изменений социального статуса мужчин и их функциональных ролей, это история глазами мужчин, написанная с позиций осознанного мужского опыта.***

К концу 1970-х гг. раздельное существование историй полов – «мужской» и «женской», отсутствие собственной истории сексуальных меньшинств (ныне эта часть гендерной истории именуется

квир-историей) грозили стать методологическим тупиком. Изменился и общий социально-политический контекст. Идеи противостояния, которые владели умами с 1968 г., как в мировой политике, так и в науке к началу 1980-х гг. стали уступать место идеям баланса, терпимости, неагрессивности и допущения за другим права на существование. Границы дисциплин к концу XX в. стали расплывчатыми, идея междисциплинарных исследований обрела огромную популярность.

«Гендер – полезная категория исторического анализа»

К концу 1970-х гг. в исторических исследованиях стран Европы и США стало все чаще мелькать слово «гендер», дословно переводимое с английского как *род* имени существительного (от лат. *genus* – род).

До середины 50-х гг. XX в. лексема “gender” употреблялась только в английской лингвистике. Но в 1955 г. выдающийся сексолог Джон Мани, которому при изучении гермафродитизма и транссексуализма потребовалось отграничить общеполовые свойства от сексуально-генитальных, сексуально-эротических и сексуально-прокреативных, ввел понятие «гендер». Во множестве современных работ слава первооткрывателя новой дефиниции приписана, однако, не Дж. Мани, а Роберту Столлеру. В 1958 г. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе открылся центр по изучению гендерного самосознания и транссексуализма и его сотрудник, психоаналитик Роберт Столлер, стал пользоваться термином «гендер» для обозначения понятия «пол в социальном контексте». С предложением активнее пользоваться этим понятием он выступил и в 1963 г. на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме, сделав доклад о понятии социополового (или – как он назвал его – гендерного) самосознания (Stoller 1968).

Выстроенная на разделении природного (сущностного, эссенциального) и культурного, гендерная концепция разделила «пол» и «гендер». «Пол» стал соотноситься лишь с биологией и физиологией (гормоны, гены, нервная система, морфология), а «гендер» – с явлениями культуры, социальной психологии, социологии и социальной антропологии.

Научная риторика, использующая новый термин, прочно утвердившись в других гуманитарных науках, особенно в психологии

и социологии, довольно быстро проникла и в труды историков. Вопросы, поставленные «женскими» и «мужскими» исследованиями в истории, и прежде всего вопрос о причинах воспроизводства социально-полового неравенства, могли быть теперь проанализированы по-новому. Ранее женские (да и мужские) исследования в истории стремились к автономии, сплоченности во имя представления именно женского или мужского социального опыта, были ориентированы на получение знания об обществе и истории, альтернативного существующему. Это вело к отделенности, «геттоизации», и такая обособленность подчас отпугивала других представителей научного сообщества, желавших хотя бы считаться политически не ангажированными, объективными. Концепция гендера давала такой шанс. Она была способом преодолеть самозамыкание, даря изучению столь связанных с политикой и женским движением тем академическую респектабельность. Центральным предметом исследований постепенно стала провозглашаться уже не обособленная история женщин или мужчин, а история их отношений как одного из важнейших аспектов социальной организации, история выстраивания социальных асимметрий и иерархий, связанных с половой принадлежностью, история соотношений полов.

Важнейшим шагом в рождении гендерной истории традиционно считается статья американского историка Джоан Уоллах Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа», опубликованная в 1986 г.

Начинавшая как типичный историк-феминист, изучавшая общественные движения во Франции XIX в., обладавшая широтой исследовательского видения и научной смелостью, Дж. Скотт предложила положить конец противопоставлению «мужской» и «женской» истории. Свой призыв она обратила к самым признанным представителям своего профессионального цеха, выступив в декабре 1985 г. с докладом на Собрании Американской исторической ассоциации. Она говорила о спорах вокруг историзма и эмпиризма, о переходе от содержательно-событийного подхода к освещению прошлого к текстуально-интерпретирующему, размышляла о будущем науки, которая должна найти основания для союза «событийности» и «текстуальности». Местом встречи ею и была предложена «гендерная история». Статья «Гендер: полезная категория исторического анализа» была переработанным вариантом вышеупомянутого доклада (Скотт 2001).

Зафиксировав необходимость преодоления внеисторичности господствующих интерпретаций пола в истории, она предложила продуктивную схему анализа исторического материала сквозь призму нового понятия и четырех групп социально-исторических подсистем или направлений изучения:

1. Комплекса символов и образов, характеризующих мужчину и женщину в культуре (*гендерных стереотипов*), бытовавших в разные времена, типических и идеальных образов, в том числе ставших паттернами, моделями (Адам, Ева, Мария), мифологических представлений о порочности, осквернении или чистоте, формы их репрезентации и трансформаций в разных исторических контекстах и многих аналогичных сюжетов.

2. Комплекса норм – религиозных, педагогических, научных, правовых, политических (*гендерных норм*), который предполагал работу со сложившимися в культуре нормативными предписаниями. Как в процессе борьбы альтернативных концепций, закрепленные в разных доктринах, они содействовали выработке понятия «правильного» или даже «единственно возможного» в отношении мужчин и женщин?

3. При анализе комплекса проблем самовыражения, субъективного самовосприятия и самоосознания личности (*гендерной идентичности*) требовалось рассмотрение особенностей самоидентификации мужчин и женщин в различные эпохи. Пристальное внимание предлагалось уделять своеобразию так называемых «гендерных конфликтов», когда субъективная гендерная идентичность могла не совпадать с культурно предписанными и социально заданными образами (приведем российский пример с «кавалерист-девицей» Надеждой Дуровой, даже именовавшей себя «он» – и это в XIX столетии).

4. Последний комплекс паттернов включал в себя анализ роли полового различия в функционировании социальных *институтов*, которые участвуют в формировании гендера (это семья, система родства, домохозяйство, рынок рабочей силы, система образования, государственное устройство и т. д.) Как воспроизводятся социальные асимметрии, связанные с полом, как функционируют институты социального контроля и за счет чего осуществляется распределение и перераспределение власти, материальных и духовных благ, собственности и престижа в масштабах всего общества, класса, группы и т. д. – все эти вопросы выдвинулись на первый план.

Дж. Скотт назвала гендер «*первичным способом определения властных отношений*», а «*историоризацию различий*» между полами – главным направлением исследований гендерной истории. Из ее доказательств вытекало, что социально-половая (гендерная) иерархия является исторически первой формой социального неравенства. Гендерные статус, иерархия и модели поведения предписаны институтами социального контроля и культурными традициями, воспроизводство гендерного сознания поддерживает сложившуюся систему отношений господства и подчинения, а гендерный статус – один из конституирующих элементов социальной асимметрии и системы распределения власти, престижа и собственности.

Этой и последующими своими работами Дж. Скотт призвала преодолеть очевидный раскол между традиционной и новыми (женской, мужской, квир-) историями. Часть историков-феминологов, чувствовавших свою обособленность в ученом мире, проявили готовность пойти навстречу этому призыву, сменить вывеску «женской истории» на наименование «гендерная история» и тем самым в известном смысле преодолеть маргинальность положения «женской истории» в системе гуманитарного знания. Они довольно решительно заявили о смене познавательных ориентаций: «женскую историю» объявили лишь этапом, переходным феноменом, который был необходим для процесса осознания и доведения до признания (научной и вообще широкой общественностью) значимости исследований истории отношений полов. Во всех работах, даже в тех, что были посвящены исключительно женщинам, было предложено учитывать «мужской фактор», дабы «уничтожить половинчатость науки о полах».

Готовность отказаться от решения «женскими исследованиями» в истории последовательно феминистских задач расширила социальную базу нового направления. В сообществе гендерологов появились мужчины, которые ранее смотрели на развитие женских исследований не без иронии. Следом развернулась широкая дискуссия по поводу определения понятий «пол», «мужественность», «женственность» в разные исторические эпохи, и ее участники пытались выяснить, как эти концепты пересекаются с другими дискурсивно созданными идентичностями (классом, поколением, возрастом, вероисповеданием, региональной и этнической принадлежностью).

Однако с предложением Дж. Скотт согласились далеко не все исследователи женской истории. Решительно настроенные против засилья «мужской истории» историки феминистской ориентации развернули широкую дискуссию о возможности не только находок, но и ущерба на пути превращений «женских исследований» в «гендерные». «Женская история – это не просто что-то отличное от общепринятой истории; это явление критическое, очевидно направленное против “мужской истории”», – писалось тогда. А гендерная история того и гляди могла позволить женщинам вновь проявить готовность быть «невидимыми» в декларируемом равенстве освещения истории обоих полов, опять «раствориться» в ней. Среди серьезных потерь называлось потенциальное скатывание гендерных исследований (как исследований обоих полов) к очередным обоснованиям «естественности» их взаимной дополнительности. А это, доказывалось феминистками, приведет к стремлению опровергнуть «особость» женского опыта и женских интересов, приведет к стиранию грани между традиционной наукой (этнологией, социологией, психологией пола) и критически нацеленными на них гендерными исследованиями.

Буря споров о соотношении феминизма, феминологии и гендерной истории затронула в основном Новый Свет. Европа, менее «пострадавшая» от радикального феминистского движения, не без иронии смотрела на «перегибы» феминисток США. Европа оказалась более толерантной к «вторжению» мужчин и “Men's Studies” в исследования истории полов. Гендерные центры и лаборатории комфортно разместились в европейских академических институтах и университетах. Европейские сторонницы развития гендерной истории поставили задачу не столько «устранять половинчатость прежней науки о полах», сколько писать новую всеобщую историю, в которой подобающее место должен был занять анализ механизмов иерархизации (Hausen, Wunder 1992: 10).

Некоторые аспекты гендерных взаимодействий нашли отражение уже в ранних публикациях. Их авторы пытались сравнивать отношение мужчин и женщин к одному и тому же вопросу (скажем, к возрасту вступления в брак или повторной женитьбе/замужеству со вдовыми), рассматривать неодинаковые последствия для мужчин и женщин одних и тех же социальных явлений и трансформаций. В них изучался, например, гендерный аспект понятия «цехового единства» (и в связи с этим – «мужской солидар-

ности», вытеснившей женщин из цехового производства в раннее Новое время). Необычайно плодотворными и убедительными были исследования разного понимания *чести*, которое для женщин имело всецело гендерное звучание, а для мужчин – определялось общечеловеческими «свойствами» – храбростью, верностью, добросовестностью, профессиональным мастерством (Kollmann 1987).

Развитие же гендерной истории оказалось связано и обусловлено ее взаимодействием со структурализмом (который был важен для развития женских исследований в изучении прошлого) и в особенности с различными постструктуралистскими течениями, участием в целом ряде «поворотов», произошедших в гуманитарном знании на рубеже XX и XXI вв.

В тематике гендерной истории выделились ключевые для нее темы, на первый взгляд вполне простые и ясные: «труд в домашнем хозяйстве», «работа в общественном производстве», «право», «политика», «семья», «религия», «образование», «культура» и т. п. Но каждая из этих тем отныне рассматривалась с точки зрения путей обеспечения воспроизводства социального порядка, основанного на гендерных различиях, и неравного распределения материальных и духовных благ, власти и престижа в историческом социуме. Особое место занял анализ опосредованной роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и динамики. Отношения между полами – как выяснилось – составляют сердцевину любой социальной системы наряду с классовыми и межпоколенческими отношениями, отношениями между общественными слоями, способами производства и отношением человека к природе. Гендерные исследования пронизали собой – пусть и неравномерно – почти все области исторической науки (Pomata 1993: 1019–1026).

Исследования гендерных историков развернулись в ситуации постмодерна, главным «открытием» которого стало недоверие к большим идеологиям – к тому, что французские философы называли метанарративами (метанарративу прогресса, рационального обустройства общества, революционного переустройства, модернизаций). Другим ощутимым изменением в науках о прошлом, которое произошло в прямой связи с распространением постмодернистских концепций и феминистской критики историзма и эмпиризма, стала ликвидация иерархии «важности» исследовательских проблем. Еще 20 лет назад все, что связано с женщиной, женским

социальным опытом, историей сексуальных меньшинств или историей сексуальности, могло быть объявлено не «главными темами». В эпоху постмодерна иерархия важности проблематики была ниспровергнута. Темы, казавшиеся ранее «мелкими», оказались вписанными в большую историю: история прислужничества и найма кормилиц, история домашней работы, вынашивания детей и родо-вспоможения.

Категория «пол» была признана одним из структурообразующих экономических принципов. Гендерные исследования исторического прошлого показали себя как объединяющее научное поле, как концепт, который подтверждал полицентричность окружающего мира, плюральность типов мышления, множественность методов и подходов, с помощью которых можно познавать и прошлое, и настоящее.

Гендерная история. Предмет и значение

Начало интенсивного развития гендерной истории относится к 1990-м гг. и совпадает с изменением предмета исторических наук. Вместо «структур большой длительности» интерес ученых обратился к конкретным судьбам обычных людей на ограниченном временном отрезке; вместо историко-демографических штудий, напичканных цифрами и графиками, стали публиковаться историко-литературные эссе, авторы которых размышляли о том, какое воздействие способен оказать индивид на ход истории (см. также главу 13 настоящего издания). Вместо утилитарного подхода к источникам личного происхождения (из которых ранее брались лишь общезначимые факты социально-политической истории) стал практиковаться «биографический метод», где во главу угла оказалась поставлена реконструкция одной или нескольких судеб и влияние на них социально-экономических и политических катаклизмов. Изменилось и отношение к «социальному полу», гендеру: категория принадлежности к нему наравне с принадлежностью к определенному этносу (расе) и классу (социальной страте) стала одним из критериев идентификации общего – гендер, этнос и класс в некоторых работах стали именовать «святой троицей». Наконец, без интереса к языку и внеязыковым дискурсам трудно представить работы по культурной и интеллектуальной истории. Они заставили сместить центр исторического повествования с вопроса «Что было?» на вопрос «Как записано?», с вопроса о реалиях – на вопрос об опосредованиях (*agency*) и опосредователях реалий.

Все эти перемены и позволили сформироваться и развиваться действительно *гендерной истории*, которая была призвана *объединить историю женщин, историю мужчин, историю сексуальности и историю квир-сообществ*. Объединительная сущность гендерной истории очевидна, но не проста. К этому этапу развитие направления прошло четыре стадии: 1) внимания к «истории борьбы» женщин против мужского миропорядка; 2) интереса к новому пониманию власти; 3) призывов изучать не «подчинение»/«подавление», а «различия», чтобы, наконец, прийти к новой 4) стадии признания необходимости обновления методологии.

Предмет гендерной истории – это история складывания и функционирования отношений и взаимодействий, стратифицирующих общество по признаку пола, история представлений о «мужском» и «женском» как о категориях социального иерархического порядка, история самопредставлений мужчин, женщин, сексуальных меньшинств. «Гендерная история – это история того, как общества прошлого и живущие в них мужчины и женщины относились к дифференциации полов, как они описывали эту дифференциацию, какое значение они ей придавали», – считает германский историк Г. Бок (1994). Американские (и феминистски ориентированные российские) историки подчеркивают именно властную составляющую в этой дифференциации, указывая на необходимость не столько описания дифференциаций, сколько изучения иерархий – как в обществе, так и внутри каждого из полов.

Представления об особенностях аналитических *методов*, характеризующих общий подход гендерной истории, или, точнее, гендерной экспертизы социально-исторических явлений, в западной и отечественной историографии еще не согласованы. Среди признанных аналитических процедур – прежде всего этнографический метод *включенного наблюдения* (когда исследователь, анализируя то или иное явление, одновременно ведет наблюдение за рассказчиком и, в феминистской методологии, за самим собой – иными словами, «инсайдерство», позиционирование себя внутри исследуемого явления). Сторонники гендерной истории, изучающие хорошо обеспеченные источниками исторические периоды, предпочитают *качественную методологию* формально-количественному описанию, анализ биографий и интервью – цифрам и графикам, которые, с точки зрения некоторых ученых, скорее типичны для официальной, традиционной науки, ориентированной на муж-

скую систему ценностей и систему доказательств (андроцентричную). *Отказ от «дизайна объективности»* в пользу исследований эмпатических, то есть наполненных чувствами и сопереживанием, – еще один методический подход сторонников гендерной истории. Они уделяют большое внимание авторским интерпретациями событий и явлений. Как это типично для историографии постмодерна, сторонники гендерной истории предлагают перемещение *от субъектов к дискурсу*, от конкретных событий – к фону, который их создавал и опосредовал, считая нужным изучить не столько «как оно было», сколько «как об этом было рассказано» (и кем).

Поскольку гендерная история родилась под влиянием женских исследований и женского движения, сторонники ее используют все способы коллективной совместной работы: организуют большие международные проекты, проводят конференции. Они считают такую *коллективность* противовесом «маскулинистской историографии», в которой господствует конкуренция, стремление каждого отдельного исследователя стать главой направления, создав свою научную теорию, и навязать свою точку зрения.

Развитие женских и гендерных исследований прошлого в России

«Женская тема» присутствовала в отечественной историографии около двух веков. О выдающихся россиянках писали многие русские и советские историки, от В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина до М. В. Нечкиной и В. Т. Пашуто (Пушкарева 2002). К началу 1980-х гг. историография женской истории России насчитывала около 6000 названий, но самостоятельным направлением изучения науками о прошлом не признавалась.

Рождение направления «женской истории» как особого способа рассказать о прошлом (дискурсивной практики) совпало в России с периодом восприятия и освоения нашими науками о прошлом ряда западных концепций в годы перестройки. Заимствование этих концепций не было бы столь быстрым, если бы носители новых идей и подходов не имели уже накопленного фактического материала, в области истории полов в том числе. Еще до прихода в российское культурное поле концепции гендера в нашей науке было несколько историков, которые даже в условиях господства марксистского единомыслия спорили с общепризнанными тогда в советской науке постулатами – об униженности и бесправии женщин

Отечества досоциалистической эпохи, об их якобы вечной социальной пассивности, необразованности, темноте (Г. А. Тишкин, Э. А. Павлюченко, Н. Л. Пушкарева).

Своеобразие контекста, в котором происходило знакомство российских исследователей с новой риторикой и новыми идеями, привносимыми женскими и гендерными исследованиями, состояло не только в одновременности получения знаний – и о женской истории, и о гендере, и о связанной с этим концептом новой методике работы с материалом. В отличие от Запада, где типическим было противопоставление мужественности и женственности (мужской и женской истории), рождение «женской истории» в СССР было реакцией не на мачизм⁵, не на сексизм и мужской шовинизм, а на унификацию половых различий, типическую для советского общества. Как отдельные аспекты общей темы те или иные стороны истории женщин (особенно участие женщин в освободительном движении) изучались, но «особость» социального опыта женщин, их системы ценностей не признавалась. Так что рождение направления проявилось не в форме борьбы с мужским доминированием, а в виде восстановления различий полов, о которых предпочитали не вспоминать создатели концепции «личности коммунистического завтра».

Интерес к женской истории был формой протеста против типичного для русской традиции замалчивания вопросов пола в общественных дискуссиях, против прагматизма советской идеологии с ее концептом «работающей матери» (женщины, которая обязана работать наравне с мужчиной и обязана рожать), а также осмеяния феминисток в советской историографии. Основными носителями идеи и практики дискриминации женщин в СССР выступали не мужчины как социальная группа, а государство, демократическое лишь по провозглашаемым лозунгам, но тоталитарное по сути – и это тоже отличает российские особенности рождения женской и гендерной истории в России.

Таким образом, истории гендерных исследований и гендерной истории в отечественной историографии около 20 лет. За эти годы возникло сообщество специалистов по женской и гендерной истории, объединенное в Межрегиональное общественное объединение «Российская ассоциация исследователей женской истории» (РАИЖИ,

⁵ Мачизм (от исп. *macho* – настоящий мужчина) – сознание мужского превосходства.

www.rarwh.ru), создан Российский национальный комитет в составе Международной федерации исследователей женской истории (www.ifrwh.com). Большую роль в институционализации направления сыграли не столичные, а региональные научные центры и лаборатории в университетах и вузах Иваново, Твери, Самары, Мурманска, Петрозаводска, Набережных Челнов, Воронежа, а на русскоязычном пространстве – Минска и Харькова. Интеллектуальная (и финансовая) поддержка западных фондов, направленная этим исследовательским объединениям, сыграла неоспоримую роль в формировании направления гендерных исследований прошлого и гендерной истории.

Побуждением к созданию вышеназванных объединений (в которых историки составляли незначительную часть по сравнению с социологами и психологами) был не запрос «снизу», а влияние «сверху», в том числе и проникновение в русскоговорящую интеллектуальную среду теоретических идей феминизма как императива современной западной культуры. В Европе и США феминистские лозунги были составной частью концепции гражданского общества, российские активистки попытались идти тем же путем.

Финансовые вливания в «женскую тему» пробудили интерес сотрудников РАН к новообразующимся центрам и направлениям работы, заставили российских чиновников заметить рождение организационных структур, именовавшихся «центрами гендерных исследований», поскольку они получали финансовую помощь с Запада. Система грантовой поддержки очень помогла индивидуальным грантополучателям, большинство из которых обратили все силы на распространение знаний и убеждений по гендерной истории (феминистских в том числе). В то же время проектные группы, получающие помощь от западных организаций, отвечали запросам иностранных фондов подчас больше, чем нуждам русской науки.

Возник феномен «ложного активизма»: под объявленные программы писались проекты, которые хотели видеть грантодатели. Последние, в свою очередь, очень неохотно поддерживали изучение женской истории периода Средневековья и раннего Нового времени, феминистскую антропологию, гендерную археологию и были ориентированы на те проекты, в которых просматривалась нацеленность на решение современных задач, а не накопление фундаментальных знаний. Между тем деньги давались под общественную деятельность, поэтому исследователи вынуждены были

политизировать свои тексты. Проектная схема финансирования по грантам не была рассчитана на длительную, систематическую поддержку преобразований. Для получения нового финансирования необходимо было демонстрировать успехи по предыдущим проектам. Внедрение гендерной истории шло по верхам.

Тем не менее число проектов и публикаций по гендерной истории все-таки росло, но было бы преувеличением считать, что они значительно влияли на интеллектуальную ситуацию в России. Они сделали свое дело в 1990-е гг. Благодаря им возник интерес и к женской истории, и к гендерным исследованиям прошлого (Жеребкина 1998). При этом интеграция последних в «большую науку» России – включение тематики, связанной с историей полов, в основное русло общественного и научного дискурса, появление соответствующих рубрик в журналах и ежегодниках, специальных секций на конференциях – происходит очень медленно. Сами термины (гендер, гендерный) приняты в научный дискурс, а идеи, разработанные западным женским движением и их порождением – гендерными исследованиями, – нет.

Если под гендерными исследованиями в истории и гендерной историей иметь в виду иные методические приемы работы с материалом, другой ракурс исторического видения, то такому определению отвечают лишь отдельные статьи в сборниках и периодических изданиях. Особо выделяются в этом плане альманах гендерной истории «Адам и Ева» (Москва), ежегодник «Социальная история» (Москва), рецензируемый ваковский журнал «Женщина в российском обществе» (Иваново). Монографий по гендерной истории, тем более содержащих не обзоры изданного за рубежом, а серьезную аналитику архивных данных, почти нет. Теоретические подходы гендерной истории, какой она является в Западной Европе, сложны, требуют комплексного переосмысления материала, а целевая аудитория таких работ неясна. Наиболее близки к западному пониманию гендерной истории те из исследований, которые относятся к истории женского движения и женского социального активизма в XIX–XX вв. (Юкина 2008). Публикующиеся в перечисленных выше журналах и ежегодниках авторы стараются ставить под сомнение сложившееся распределение гендерных ролей в прошлом и настоящем. Они по-иному подходят уже к сбору эмпирического материала, поскольку вопросы, которые они перед собой ставят, предполагают феминистскую рефлекссию.

Дистанцировавшиеся от центров гендерных исследований специалисты, разрабатывавшие частные вопросы женской истории в контексте изучения истории и этнологии семьи, права, культуры, религии, образования, истории труда и повседневности, общественных движений и истории социальной работы, хотя и остаются подчас разрозненными и немногочисленными, продолжают скрупулезную работу в архивах и библиотеках. По сути, они вносят ежедневный вклад в развитие не столько гендерных исследований прошлого, гендерной истории, сколько истории женской. Сторонники и сторонницы этого стиля изучения «истории женщин» не именуют себя приверженцами феминистских идей, но это не умаляет сделанного ими.

Философы, социологи и психологи «открыли» гендер, поставили вопрос о том, как гендерная идентичность преломляет взгляд человека на мир, обнаружили различия в женском и мужском социальном опыте, представшем особым источником знания. Историки, применяя гендерный подход к анализу социально-исторических явлений, показали, как женский опыт соотносился с мужским в прошлые столетия и в какой мере это взаимодействие формировало культурные стереотипы, нормы и идентичности. Эти новые знания о прошлом влияют на тех, кто их получает, а вместе с ними меняют и действительность. Именно потому в гендерной истории заложен революционный – в отношении к старой науке – смысл.

Рекомендуемая литература

- Введение** в гендерные исследования / Отв. ред. И. М. Жеребкина Т. 1. СПб., 2001.
- Гендер** и общество в истории / Отв. ред. Л. П. Репина, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб., 2007.
- Мид М. 2004.** *Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире.* М.
- Пушкарева Н. Л. 2007.** *Гендерная теория и историческое знание.* СПб.
- Репина Л. П. 2004.** *Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого.* М.